ПЛАТОН

ДИАЛОГИ
АПОЛОГИЯ СОКРАТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 1(091)“652”
ББК 87.3(0)
П37

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с древнегреческого

Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Платон.

П37 Диалоги. Апология Сократа : [сборник ; перевод с древнегреческого] / Платон. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 352 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-151832-5

«Апология Сократа» — это первый сохранившийся текст Платона, написанный вскоре после суда над Сократом, и единственное его произведение, написанное не в форме диалога. Так почему же Афинское государство убило Сократа?

Сократа, про которого дельфийская пифия сказала, что нет людей мудрее его.

Сократа, который вошел в историю своим «Я знаю, что ничего не знаю».

Сократа, который закончил свою речь на суде словами: «Но уже пора идти, мне — чтобы умереть, вам — чтобы жить, а что из этого лучше, никому не ведомо, кроме бога».

Все остальные произведения Платона имеют форму диалогов, в которых методом вопросов и ответов проясняются понятия долга и красоты, знания и невежества, истины и лжи, добра и зла.

В сборник включены диалоги «Евтифрон», «Критон», «Федон», посвященные последним дням Сократа, а также «Пир» и «Федр».

УДК 1(091)“652”
ББК 87.3(0)

ISBN 978-5-17-151832-5

© Перевод. С. Апт, наследники, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ЕВТИФРОН

Евтифрон, Сократ

1

Евтифрон. Что случилось, Сократ? Почему покинул ты пребывание свое в Ликее и пребываешь теперь здесь, у Царского Портика? Ведь не ведешь же ты гражданское какое дело у царя, как я?

Сократ. Конечно, нет! Афиняне, Евтифрон, называют дело это, во всяком случае, не гражданским, а уголовным.

Евтифрон. Что́ ты говоришь?! Тебя, значит, обвиняют в уголовном преступлении? Ведь не могу же я допустить, будто ты обвиняешь другого.

Сократ. Еще бы!

Евтифрон. Выходит, другой обвиняет тебя?

Сократ. Вот именно.

Евтифрон. Да кто же это?

Сократ. Я и сам хорошенько не знаю, Евтифрон, его. По-видимому, кто-то из молодых, с кем я незнаком. Прозывается он, сдается мне, Мелетом, а по дому он питфеец. Представляешь себе какого-то питфейца Мелета, такого, с прилизанными волосами, с жиденькою бородою, горбоносого?

Евтифрон. Нет, Сократ, не представляю. Но в каком же преступлении он обвиняет тебя?

Сократ. В каком? Не в маловажном, кажется мне. В молодые годы да распознать такое серьезное дело — не шутка! Ведь Мелет, как он утверждает, знает, как развращают молодых людей, знает и кто их развращает. Выходит, он — мудрец своего рода. Усмотрев, как я, по своему невежеству, развращаю его сверстников, он выступает обвинителем против меня, как бы пред матерью — пред государством. И кажется мне, из государственных мужей он один только правильно и берется за дело. Ведь правильно — сперва позаботиться о молодых людях, чтобы они были как можно лучше, подобно тому, как хороший земледелец, естественно, сначала будет заботиться о молодых насаждениях, а затем уже и обо всех прочих. Вот и Мелет, должно быть, выполоть хочет нас, развращающих, как говорит он, молодые побеги, а затем, после этого, он, очевидно, позаботится и о тех, кто постарше, и окажется виновником величайших благ для государства. Этого, естественно, должно ожидать от того, кто начал с такого начала.

2

Евтифрон. Хотел бы я, чтобы так было, Сократ. Толъко опасаюсь, как бы не вышло наоборот: сдается мне, он просто-напросто начинает с очага приносить зло государству, пытаясь поступить с тобою несправедливо. Но скажи мне, что́ же, по его утверждению, ты делаешь такого, что развращаешь молодых людей.

Сократ. Послушать его, любезнейший, так одни нелепости. Он утверждает, будто я сочиняю бо-

гов. За то, что я сочиняю новых богов, а старых не признаю, — вот за это-то, как он утверждает, он и подал на меня жалобу.

Евтифрон. А, понимаю, Сократ! Это потому, что, как ты сам утверждаешь, у тебя сплошь да рядом бывает демоний. Значит, он подал на тебя это обвинение за то, что ты вводишь новшества в дела, касающиеся религии. И, конечно, подавая в суд, он клевещет, так как знает, что большинство охотно верит подобным клеветам. И меня, когда я говорю в народном собрании о чем-нибудь, касающемся религии, и предсказываю будущее, высмеивают, как сумасшедшего. Хотя в том, о чем я давал предсказания, я не сказал никакой неправды, все-таки они завидуют таким людям, как мы с тобою. Только на них не следует вовсе обращать внимания, а надо идти своею дорогой.

3

Сократ. Да, дорогой Евтифрон, попасть насмех, пожалуй, и невелика печаль! Афинян-то, сдается мне, не очень тревожит тот, кого они считают сильным в мудрости, но неспособным обучать ей. Зато на того, кто, по их мнению, других делает мудрыми, они гневаются, либо из зависти, как ты говоришь, либо по чему иному.

Евтифрон. Ну, тем, как они ко мне относятся, я не очень-то интересуюсь.

Сократ. Быть может, по их мнению, ты редко бываешь на виду и не желаешь обучать своей мудрости. А за себя я опасаюсь, как бы им не показалось, что я, из человеколюбия, подробно беседую со всяким о том, что могу сказать, не только безвозмездно, но

еще готов с удовольствием и сам приплатить тому, кто желает меня слушать. Итак, если афиняне, как я только что говорил, собираются посмеяться надо мною, как, по твоим словам, они смеются над тобою, ничего не было бы тут неприятного — пошутить и посмеяться в суде. Если же они взглянут на дело серьезно, то что из этого произойдет, известно только вам, предсказателям.

Евтифрон. А, может быть, Сократ, и ничего не будет — ты свой процесс проведешь удачно, а я, думается мне, — свой.

4

Сократ. А у тебя, Евтифрон, какое дело в суде? Тебя преследуют судом, или ты кого преследуешь?

Евтифрон. Я преследую.

Сократ. Кого?

Евтифрон. Преследую такого человека, что снова сочтут меня сумасшедшим.

Сократ. Как так? Преследуешь летящего?

Евтифрон. Где ему летать? Очень уже он стар.

Сократ. Кто это?

Евтифрон. Мой отец!

Сократ. Твой отец, любезнейший?!

Евтифрон. Он самый.

Сократ. В чем же обвинение? О чем идет дело?

Евтифрон. Об убийстве, Сократ.

Сократ. Геракл! Конечно, Евтифрон, большинству-то неизвестно, как тут было бы правильным поступить. Я думаю, первый встречный не найдет правильного выхода; найдет его только тот, кто уже далеко ушел в мудрости.

Е в т и ф р о н . Конечно, Сократ, клянусь Зевсом, тот, кто далеко ушел.

С о к р а т . Само собою разумеется, умерший по вине твоего отца кто-нибудь из близких? Не так ли? Не стал бы ты обвинять отца из-за кого-нибудь чужого.

Е в т и ф р о н . Смешна, Сократ, твоя мысль, будто есть разница, кто умерший — чужой или близкий. Ты не считаешься с необходимостью следить только за тем, имел ли право убийца совершить убийство, или не имел, и, если имел право, то оставить его в покое, если не имел, — преследовать его судом, хотя бы убийца был твоим сожителем и сотрапезником. Ведь ты осквернишь себя в равной мере, если заведомо будешь проживать вместе с таким человеком и не очистишь себя и его, обратившись к суду... Умерший состоял у меня на службе, и, когда мы обрабатывали землю на Наксосе, был там у нас поденщиком. Напившись пьяным и рассердившись на одного из наших рабов, он его зарезал. Отец связал ему ноги и руки, бросил его в ров и послал сюда, в Афины, человека справиться у эксегета, как поступить. В течение этого времени он оставил без внимания связанного, относился к нему как к убийце, беззаботно — не важное, дескать, дело, если и умрет. А это как раз и случилось. От голода, холода, от того, что он был связан, тот и умер, прежде чем прибыл посланный с вестью от эксегета. Вот за это-то и негодует на меня отец и прочие домашние, что я, из-за убийцы, обвиняю в убийстве отца, который, как они утверждают, и не убивал на самом деле, а если бы даже и убил — умерший-то был сам убийца, — то не сто́ит беспокоиться о таком человеке. Нечестиво, говорят они, сыну преследовать судом отца за убийство. Плохо они зна-

ют, Сократ, что такое божественное и как оно относится к тому, что́ благочестиво и нечестиво.

Сократ. А ты-то, Евтифрон, скажи ради Зевса, самого себя считаешь настолько тонким знатоком в вопросах, относящихся к области божественного, благочестия и нечестия, что — допустим, все произошло так, как ты говоришь, — не боишься совершить, в свою очередь, нечестивое дело, привлекая к суду отца?

Евтифрон. Да я был бы никуда не годным человеком, Сократ, ничем не отличался бы Евтифрон от прочего большинства, если бы не знал всего этого в точности.

5

Сократ. Выходит, самое лучшее для меня, чудеснейший мой Евтифрон, стать твоим учеником и, прежде чем отвечать на обвинение Мелета, привлечь его к ответственности по тому же делу, заявив следующее: я и в прежнее время высоко ценил знание всего, относящегося к божественному, а теперь, когда Мелет утверждает, будто я погрешаю в нем, вводя самочинно новшества, стал твоим, Евтифрон, учеником. Мелет, мог бы я сказать, если ты признаешь Евтифрона мудрым в подобных вещах, считай и меня мыслящим о них правильно и не судись со мною; в противном случае, сначала подавай жалобу на него, моего учителя, за то, что он развращает стариков, меня и своего отца, меня — уча, его — исправляя и наказывая. И если Мелет меня не послушается и не освободит от суда, или если он не подаст жалобу на тебя вместо меня, то уже не говорить ли мне и на суде то же самое — дать ответ, за что я вызываю его?

Евтифрон. Клянусь Зевсом, Сократ, если бы Мелет действительно попробовал подать на меня жалобу, я уже отыскал бы его слабое место, думаю я, и на суде у нас речь о нем пошла бы гораздо раньше, чем обо мне.

Сократ. Сознавая это, милый друг мой, я и горю желанием стать твоим учеником. Я знаю, что как всякий другой, так и этот Мелет тебя-то, кажется, и не замечает, меня же он так ловко и легко заприметил, что подал на меня жалобу по обвинению в неблагочестии. А теперь, ради Зевса, скажи мне о том, что, как ты только что утверждал, твердо знаешь: что такое, по твоему утверждению, благочестие и нечестие как в отношении к убийству, так и ко всему прочему? Не бывает ли так, что во всяком деянии благочестие подобно самому себе, нечестие же, в свою очередь, будучи противоположно всему благочестивому, подобно самому себе и содержит в себе одну идею всякого нечестия, в чем бы оно ни проявлялось.

Евтифрон. Это, Сократ, во всяком случае так.

6

Сократ. Скажи мне, что́ ты считаешь благочестием и что нечестием?

Евтифрон. Я утверждаю, что благочестие — это то, что́ я теперь делаю, а именно: преследовать судом преступного в убийстве, святотатстве или чем подобном, будь это отец, мать или кто другой; не преследовать судом такого человека будет нечестие. И вот, посмотри, Сократ, какое я тебе приведу веское доказательство в пользу того, что все это соответствует установившему-

ся обычаю — я и другим уже говорил, что поступать так значит поступать правильно, — именно не потакать нечестивому, кто бы он ни был. Сами люди считают Зевса самым благим и самым справедливым из богов; между тем, по общему признанию, он заковал своего отца за то, что тот пожирал своих сыновей вопреки справедливости, а отец Зевса, в свою очередь, оскопил своего отца за нечто другое в таком же роде. А на меня сердятся за то, что я преследую судом отца за его несправедливый поступок. Таким образом, люди противоречат самим себе, когда они говорят о богах и обо мне.

Сократ. Уже не за то ли и я, Евтифрон, подвергаюсь уголовному преследованию, что я, всякий раз как говорят нечто подобное о богах, как-то с трудом соглашаюсь с этим. Поэтому-то, по-видимому, и будут утверждать, что я грешник. Теперь же, коль скоро и тебе, хорошему знатоку всех подобных вещей, тоже так кажется, необходимо, по-видимому, и мне с этим согласиться. Да и что́ сказать нам, нам, которые сами признаются, что они об этих вещах ничего не знают? Но, ради Покровителя Дружбы, скажи мне: ты-то сам полагаешь взаправду, что все это так действительно и было?

Евтифрон. Были вещи и еще куда удивительнее этого, Сократ; большинство о них и понятия не имеет.

Сократ. Следовательно, ты думаешь, между богами в самом деле бывали междоусобная война, страшная ненависть, боевые схватки и многое иное в таком же роде, о чем говорят поэты и чем пестро изукрашивают славные наши живописцы всякие священные предметы, между прочим, и тот пеплос, заполненный подобного рода узорами, который во время Великих Панафиней везут на акрополь? Скажем ли мы, Евтифрон, что все это — правда?

Е в т и ф р о н . Не только это, Сократ, но, как я только что упомянул, и многое иное; если хочешь, я могу тебе привести насчет божественного такие рассказы, что, услышав их, ты будешь, я уверен, поражен.

7

С о к р а т . Что мудреного! Только об этом ты мне расскажешь потом, на досуге, а теперь постарайся яснее высказаться о том, о чем я тебя только что спрашивал. Ведь ты, друг мой, на мой предыдущий вопрос не дал достаточных разъяснений — чем может быть благочестие. Ты сказал только, что то, что ты теперь делаешь, т.е. судом преследуешь отца за убийство, благочестиво.

Е в т и ф р о н . И я правду говорил, Сократ.

С о к р а т . Может быть. Но ведь, Евтифрон, ты считаешь, что и многое другое бывает благочестивым?

Е в т и ф р о н . Да, бывает.

С о к р а т . Ведь ты помнишь, что я просил тебя разъяснить мне не какой-либо один или два вида из большей части того, что относится к благочестивому, я просил тебя разъяснить мне тот вид благочестивого, при котором все благочестивое — благочестиво? Ты же сказал, что в силу одной идеи нечестивое является нечестивым, благочестивое — благочестивым? Не помнишь этого?

Е в т и ф р о н . Помню.

С о к р а т . Разъясни же мне эту идею, что она такое, чтобы я, взирая на нее и руководствуясь ею как примером, мог утверждать в случае, если бы ты или кто другой поступал подобным образом, что это благочестиво, а если не подобно, то утверждал бы, что это — нечестиво.

Евтифрон. Если хочешь, Сократ, я тебе это изложу.

Сократ. Разумеется, хочу.

Евтифрон. Итак: то, что́ любезно богам, — благочестиво, что́ не любезно, — нечестиво.

Сократ. Превосходно, Евтифрон! Как я хотел, чтобы ты ответил, так теперь ты и ответил. Однако верно ли ты ответил, этого я еще не знаю; впрочем, ты, очевидно, дальше разъяснишь, что то, что́ ты говоришь, верно.

Евтифрон. Конечно.

8

Сократ. Итак, разберем же, что́ мы утверждаем. Боголюбезное и боголюбезный человек — благочестивы, богоненавистное и богоненавистник — нечестивы. Благочестивое и нечестивое — не одно и то же, но совершенно противоположное. Так?

Евтифрон. Так.

Сократ. По-видимому, это правильно сказано?

Евтифрон. Кажется, да, Сократ?

Сократ. А что боги заводят распри, Евтифрон, что они бывают несогласны между собою, что среди них возникает взаимная вражда — об этом разве не говорят?

Евтифрон. Говорят.

Сократ. А вражду и гнев, любезнейший, вызывает несогласие относительно чего? Разберем это так: допустим, что мы, я да ты, несогласны в том, какое из двух чисел больше. Разве несогласие насчет этого сделает нас врагами, заставит нас сердиться друг на друга? Разве, произведя вычисление в данном случае, мы не пришли бы быстро к соглашению?

Е в т и ф р о н . Конечно, пришли бы.

С о к р а т . А если бы мы были несогласны насчет большего и меньшего, разве мы не прекратили бы быстро наше разногласие, обратившись к измерению?

Е в т и ф р о н . Это так.

С о к р а т . А обратившись к взвешиванию, мы, я думаю, разобрали бы, что́ тяжелее, что́ легче?

Е в т и ф р о н . Еще бы!

С о к р а т . А насчет чего мы, оказавшись несогласными и не будучи в состоянии придти к какому-либо решению, стали бы врагами друг другу, пришли бы в гнев? Быть может, под рукою у тебя нет ответа, так посмотри, что я думаю на этот счет: не будет ли это — справедливое и несправедливое, прекрасное и безобразное, доброе и злое? Разве именно не это побуждает нас ссориться между собою, не быть в состоянии прийти к удовлетворительному решению и, в результате, стать врагами друг другу, и меня и тебя и всех прочих людей?

Е в т и ф р о н . Да, Сократ, бывает разногласие и насчет всего этого.

С о к р а т . А боги-то, Евтифрон, как же? Если они в чем несогласны, то не бывают ли они несогласны именно из-за этого же?

Е в т и ф р о н . Обязательно так.

С о к р а т . Следовательно, и из богов, почтенный Евтифрон, судя по твоим словам, одни считают справедливым одно, другие — другое; то же и относительно прекрасного и безобразного, доброго и злого. Ведь не заводили бы боги взаимных распрей, если бы были согласны насчет этого. Не так ли?

Е в т и ф р о н . Правильно ты говоришь.

С о к р а т . Значит, каждый из них то, что́ считает прекрасным, добрым, справедливым, любит, а противоположное этому ненавидит?

Е в т и ф р о н . Конечно.

С о к р а т . Признавая одно и то же, как ты утверждаешь, одни — справедливым, другие — несправедливым, боги расходятся во мнениях, заводят распри, воюют между собою? Не так ли?

Е в т и ф р о н . Так.

С о к р а т . Следовательно, как будто одно и то же боги и ненавидят, и любят, и одно и то же может быть и богоненавистным, и боголюбезным.

Е в т и ф р о н . Как будто.

С о к р а т . И благочестивым, и нечестивым, Евтифрон, может быть одно и то же, согласно этому рассуждению.

Е в т и ф р о н . По-видимому,

9

С о к р а т . Значит, удивительный ты человек, ты не дал ответа на мой вопрос. Ведь я спрашивал не о том, что́, будучи тожественным, бывает и благочестивым, и нечестивым; оказалось, то же самое, что́ боголюбезно и богоненавистно. Таким образом, Евтифрон, в том, что ты теперь делаешь, карая своего отца, нет ничего удивительного, коль скоро, поступая так, ты делаешь Зевсу любезное, Кроносу и Урану — враждебное, Гефесту — приятное, Гере — враждебное; и если какой-либо из богов несогласен с другим насчет этого, ты и в отношении к ним поступаешь точно так же.

Е в т и ф р о н . Но, я думаю, Сократ, все боги согласны между собою насчет того, что убивший кого-либо несправедливо должен дать за это ответ.

С о к р а т . Прекрасно! А от людей, Евтифрон, слышал ты, чтобы кто оспаривал, что убивший несправедливо или поступивший в чем другом несправедливо не должен давать за это ответа?

Е в т и ф р о н . О, они постоянно спорят об этом и в судах, и в других местах. Поступая в очень многом несправедливо, они всё делают, всё говорят, лишь бы избежать суда.

С о к р а т . Но согласны ли они, Евтифрон, в том, что они в данном случае поступают несправедливо, и, будучи согласны в этом, тем не менее утверждают, что не должны за это давать ответа?

Е в т и ф р о н . Никоим образом.

С о к р а т . Значит, они не всё делают и говорят. Ибо, думаю я, этого они не осмеливаются говорить и оспаривать, будто не следует давать ответа даже в том случае, когда они поступают несправедливо. По-моему, они просто отрицают, что поступают несправедливо. Не так ли?

Е в т и ф р о н . Правильно ты говоришь.

С о к р а т . Следовательно, они оспаривают не то, будто поступающий несправедливо не должен давать ответа, но, пожалуй, они спорят о том, кто поступает несправедливо, каким образом и когда.

Е в т и ф р о н . Правильно.

С о к р а т . Не то же ли самое, значит, бывает и с богами, когда они, как ты говоришь, поднимают распри из-за справедливого и несправедливого, и при этом одни утверждают, что другие поступают с ними несправедливо, а другие отрицают это? Этого-то, чудеснейший, никто ни из богов, ни из людей, во всяком случае, не осмелится утверждать, будто поступающий несправедливо не должен давать ответа.